

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хромова Д.А., Кутдюсова А.И. Художественная география "средневолжских текстов" Д.Осокина // Litera. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.5.70715 EDN: XNOORW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70715

Художественная география "средневолжских текстов" Д.Осокина

Хромова Диана Александровна

преподаватель; кафедра словесных искусств; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

115573, Россия, г. Москва, Ореховый пр-д, 19, кв. 12

✉ idianaalexandrova@yandex.ru

Кутдюсова Адиля Ильдусовна

аспирант; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

115573, Россия, г. Москва, Ореховый пр-д, 19, кв. 12

✉ adilya@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.5.70715

EDN:

XNOORW

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Дата публикации:

13-05-2024

Аннотация: Данная статья посвящена репрезентации средневолжского пространства в творчестве российского прозаика Дениса Осокина. Отечественные литературоведы предлагают рассматривать художественное пространство с точки зрения пространственной топографии, подразумевающей противопоставление абстракции

конкретности, её горизонтальной или вертикальной направленности, пространственной протяженности и локализации (расширение-сжатие, открытость-замкнутость). Исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Поиск новых методов изучения литературных текстов породил необходимость комплексного метода, в котором довольно перспективным является метод, сочетающий в себе культурно-исторический, мифопоэтический и геопозитический анализ. При таком подходе последний из упомянутых типов анализа имеет преимущество перед анализом произведения как локального текста в рассмотрении художественной географии как метафизических параметров авторского мира. Предмет исследования – художественное пространство «поволжских» текстов Осокина. Целью исследования является определение специфики литературной географии произведений Осокина, связанных с Поволжьем. В работе используются такие научные методы анализа, как культурно-географический, структурно-семиотический методы и контекстуальный анализ. Научная новизна исследования определяется тем, что среди современных литературоведческих трудов отсутствуют работы, посвященные исследованию художественного пространства произведений многих современных авторов, в частности Дениса Осокина, в недостаточном качестве рассматриваются его произведения в соотнесении с феноменами казанского и других региональных текстов. Основным выводом исследования является обоснование особых свойств художественного пространства Средней Волги в произведениях Д. Осокина, которое обладает аттрактивными свойствами – уникальностью, смысловой насыщенностью, познавательной ценностью. Отражение географического пространства в художественных произведениях дает возможность репрезентировать и интерпретировать социокультурные процессы места, задавать онтологические ориентиры. Средневолжье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инонациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов.

Ключевые слова:

проза Дениса Осокина, народы Поволжья, средневолжские тексты Осокина, художественная география, репрезентация национальной культуры, коренные народы России, региональный текст, марийцы, казанский текст, городское пространство

Введение

Обращаясь к категории художественного пространства как к метафоре, дающей представление о «своей физической природе» (Лотман), необходимо оговаривать её условность, равно как условность любого художественного мира. Отечественные литературоведы предлагают рассматривать художественное пространство с точки зрения пространственной топографии, подразумевающей противопоставление абстракции конкретности, её горизонтальной или вертикальной направленности, пространственной протяженности и локализации (расширение-сжатие, открытость-замкнутость). Исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Отмечая смещение фокуса исследования художественных текстов с центра на периферию, породившее такие понятия в литературоведении как «петербургский текст» [Топоров], «уральский текст» [Абашев, 2000], «нижегородский текст» [Захарова, 2007], «поволжский текст» [Хлыбова, 1994], «сибирский текст» [Тюпа, 2002], «казанский текст»

[Зайнуллина, 2019], «ташкентский текст» [Шафранская, 2010] и др., свяжем это, в первую очередь, с поиском новых методов изучения литературных текстов, среди которых довольно перспективным является комплексный метод, сочетающий в себе культурно-исторический, мифопоэтический и геопозэтический анализ. При таком подходе последний из упомянутых типов анализа имеет преимущество перед анализом произведения как локального текста в рассмотрении художественной географии как метафизических параметров авторского мира.

О тесной связи героя и пространства ещё до появления понятия «петербургского текста» (Топоров), как легализовавшего обращение к локальным текстам, писала О. Фрейденберг, которая считала, что герой является лишь функцией пространства и напрямую зависим от мифологизированности последнего. Вслед за Топоровым, который говорил о наличии «сложного взаимодействия духа с бездушной стихией» [\[1, с. 38\]](#), Лотман также показывал в своих исследованиях, что география выступает разновидностью этического знания: «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным - нравственный» [\[8, с. 298\]](#). Поэтому убедительным выглядит вывод о том, что авторская поэтика основывается на месте пребывания. Пространство влияет на идентичность и поведение человека [\[9,10\]](#). К примеру, современный психогеографист, писатель Йен Синклер, постоянно возвращается к той мысли, что его писательский дар заключается в том, что нужно настроиться на определенное место, пропустить его через себя, стать словесным проводником его особого ощущения смысла.

Среди российских писателей-современников таким «проводником», безусловно, можно назвать Дениса Осокина – казанского поэта и писателя, чье творчество тесно связано с Поволжьем – регионом в России, расположенном в бассейне Волги. Отметим, что сам автор избегает понятия «Поволжье», предпочитая ему словосочетание «Средняя Волга», что можно объяснить особым отношением писателя к водному пространству между впадением Оки в Волгу и устьем Камы. Для Осокина область Средней Волги, которую он, впрочем, понимает довольно условно и не всегда следует реальным географическим границам, представляет собой мифологический континуум, в котором «... любовь любовью / к человеку <...> так смертельно сопряжена / с любовью любовью / к пространству» [\[11, с.172\]](#).

Пространство осокинского Средневолжья подчиняется литературным законам устройства художественного текста: оно имеет свой центр и периферию. Бытие осокинского героя, который наделен возможностью «гулять средневолжскими снами» [\[11, с.172\]](#), строится вокруг старинного города Казань – столицы республики Татарстан. Осокин всячески подчеркивает в своих произведениях, – «заверяет своим казанством» [\[11, с.172\]](#), что Казань для него не только и не столько предпочитаемое городское пространство, сколько его друг, возлюбленная, ведь именно с ней у писателя сложились самые крепкие и продолжительные отношения.

Мифогеографическое пространство Казани

Отношение Дениса Осокина к родному городу лучше всего иллюстрирует фраза из поэмы «Ледянки», в которой он без ложной скромности заявляет что Казань – «лучшая на свете» [\[11, с. 62\]](#). Эта же мысль прослеживается и в стихотворении «Верхний услон», где читателя завлекают чудесной жизнью в татарской столице: «если останешься в казани / навсегда будешь / жить чудесно / вскоре перемещение / за линию казань - / верхний услон / потеряет смысл / будет суетой (прим.: пунктуация здесь и далее сохранена

авторская) [\[11, с. 36\]](#). Создавая морфологию городского ландшафта, в котором есть «красные автобусы / зеленые мечети» [\[11, с. 62\]](#), «миленькая сирень» [\[11, с. 166\]](#), «коричневый дом / и коричневый подъезд / жесть коричневых крыш» [с. 35], «площадь где плитка как чешуя зиланта» [\[11, с. 171\]](#), «казанский кремль» [\[11, с. 171\]](#), и т.п., писатель выстраивает культурную и социальную карту города, в котором маршруты прогулок лирического героя выписываются с точностью путеводителя («Ледянка», «Сухая река» «Сирень в сапогах», «Затон имени Куйбышева», «Верхний услон плюс Франция», «Рюмочные и шашлычные» и др.): «местом своих постоянных прогулок в столице они почему-то выбирают улицу клары цеткин с трамваем № 1 – и всю – лежащую от нее по обе стороны адмиралтейскую слободу – деревянно-смутную – с заводом 'серп и молот' – со скульптурами пионеров <...>» [\[11, с. 346\]](#). В то же время, писатель не ставит перед собой задачу репрезентировать город как туристический объект, ему важнее показать такое бытие Казани, в котором блеск местного Арбата (улицы Баумана) и старинных особняков сосуществует с грязными закусочными и неопрятными общественными уборными. Поэтому герои Осокина водят казанских гостей по «блинным – по выставочным залам – по рюмочным – по стройкам – по паркам в которых недавно была тишина а теперь идет реконструкция» [\[11, с. 347\]](#)

Границы города в произведениях Осокина редко совпадают с реальными границами Казани. Писатель предпочитает определять их, исходя из собственного мироощущения, – используя визуальный метод, включая в состав города только тот пригород, из которого «можно глядеть на казань» [\[11, с. 30\]](#), называя их «окрестностями Казани»; исключая места, откуда город увидеть не удастся. Так южная граница проходит в правобережном Верхнем Услоне, а северная граница протекает рядом с Сухой рекой, которая «полурваной нитью прошивает северную границу города» [\[11, с. 78\]](#) и «дальше неё <...> уже ничего не существует».

Реки – это неотъемлемая часть городского пейзажа Казани: кроме Волги, на левом берегу которой расположен город, и её притока реки Казанки, в городе протекают Булак, Нокса, Киндерка, Подувалье, Солонка и Сухая Река. Следует отметить, что водные пространства в принципе занимают важное место в творчестве Осокина (вспомним хотя бы о посмертной жизни Аиста в мерянской реке в повести «Овсянки»). Писатель поясняет свою приязнь к водоёмам так: «вода изрядно снимает напряжение земли – снимает и уносит – поэтому жить нам гораздо легче чем жителям местностей лишенных больших рек» [\[11, с. 83\]](#); вода даёт «возможность двигаться целым миром. вода сама жизнь» [\[11, с. 319\]](#).

Примечательно, что большей любовью автора на самом деле пользуются малые реки; особенно те, которые находятся в уязвимом состоянии: например, зависят от количества осадков в летний период, как уже упомянутая Сухая река: «и среди всей здешней названной и не названной нами воды – сухая река занимает особое место. конечно мы не скажем что она значимее допустим волги – но точно уж волга не значимее сухой реки. сухую реку всегда имеет в виду каждый настоящий житель казани и пригородов» [\[11, с. 83\]](#). Этот небольшой водный поток, овеянный многочисленными городскими мифами о неизвестных животных и духе-хранителе, является одним из любимых мест горожан. В одноименном сказе «Сухая река» автор дает характеристику и другим рекам Татарстана: «тугая упругая волга – с запахами неумирающих пятисотлетних рыб: река казань – грустная любовь к которой приобретает лишь через чтение татарского народного эпоса: свияга с поймой в тысячу островов – где хрюкает выпь и колдуют цапли –

щекастым браконьерам жестоко выбивают глаза: кама – хвойная наша невеста – камское устье с сорока километрами ширины – с деревнями с луковыми грядками неожиданно уходящими к кромке океана – с городом лаишево на приокеанской горе» [11, с. 83]. В одном из интервью Осокин признавался, что наделяет водное пространство не только культурной и социальной, но и магической функцией [12]. Так на вопрос о реке Свияга он отвечал: «Свиягу я прямо боготворю и считаю чуть ли не самой волшебной нашей рекой, самой фантастической, одной из самых своих родных рек, меня воспитавших...» [13].

Южная граница Казани определяется рамками Верхнего услона – дачного посёлка, расположенного на холме на правом берегу Куйбышевского водохранилища. Эта местность неоднократно упоминается в поэтических и прозаических текстах Осокина, и он даже выводит её формулу: «холмы + ветер / и никаких лесов» [11, с. 30]. Здесь герои проводят время со своими возлюбленными и друзьями, предаваясь воспоминаниям о некогда происходящем в Казани. Выход же «за линию казань – / верхний услон» [11, с. 36], обозначается как бессмысленный, что характерно и в ситуации с северной границей. О западной и восточной границах в текстах упоминается абстрактно, без возможной идентификации конкретного места. Интересно, что свой принцип определения границ города Осокин предлагает жителям других населённых пунктов: «жители любого города могут задуматься – где находится их сухая река – их верхний услон» [11, с. 38].

Несмотря на «обретенный рай» в Казани, герои осокинских произведений постоянно находятся в движении: выезжают за город, путешествуют по республике и за её пределами. К примеру, они отправляются в Чистополь, Лаишево или Затон имени Куйбышева и часто остаются там на длительный срок. Это обстоятельство лишь еще один раз подчеркивает любовь Дениса Осокина к малой родине: «куплю тюбетейку – и не сниму / у мечетей буду молиться / татарстан, реву тебя и люблю – / в тебя нельзя не влюбиться» [11, с. 171].

Создавая тексты, бытующие вокруг Казани, писатель не только дополняет список произведений, маркируемых как «казанский текст», но и закрепляет новые семантические константы на карте отечественной литературы.

Особенности «казанского» пространства Средней Волги

Поволжье за пределами Республики Татарстан представляет собой более сложный пространственный механизм: с одной стороны, Осокин использует географические объекты как способ дополнительной национальной коннотации, с другой – через то или иное место раскрывает внутренний мир героя, мотивируя его мысли, чувства, поступки [13]. Так, например, многочисленные населенные пункты, упомянутые в цикле «Небесные жёны луговых мари», служат скорее декорацией, на фоне которой разворачивается действие. И только в общей сложности они дают представление о географии расселения луговых марийцев – коренного народа Поволжья, которым посвящен цикл. В текстах упоминается столица республики Марий Эл – город Йошкар-Ола, посёлки Параньга, Сернур, Мари-Турек, Шушера, Новый Торъял, Килемары, села Шиньша, Усола, Мари-Биямор, Шурабаш, деревни Чингасола, Ивансола, Семисола, Ужарсола, Лудосола, Унур, Верхняя и Нижняя Вичмарь, Горки (вероятно, имеется в виду Красная Горка), Малый Кожлаял (Пекейсола), Старый Юледур, Шой-Шудумар, Портянур, Кугунур Йошкар Памаш, Липша, Китнемучаш, Яснур, Юльял, Ярань-Мучаш, Пессемерь, ныне не существующие Пинженер и Нужа, Пумарь, Нур-Кугунур (вероятно имеется в виду Малый

Кугунур), Малый Тюнтерь. Так Осокин рисует культурно-географическую карту народа мари, намеренно обращаясь к населенным пунктам, расположенным не только в республике Марий Эл, но и за ее пределами, подчеркивая действительный, а не установленный административно-территориальным делением ареал проживания народа, обращая внимание на хрупкость этносистемы малочисленных народов России, оказавшихся вне культурной политики региона. Среди произведений с похожим методом использования географических объектов можно также отметить такие поэтические и прозаические тексты, как «Кукмор», «Новые ботинки», «Барышни тополя», «Танго Пеларгония», «Утиное горло», «Отличница», «Три пьесы для Риты и клоуна» и др. В уральском цикле «Фигуры народа коми», посвященном родственным финно-угорским народам – коми-зырянам и коми-пермякам, в котором помимо топонимов (Пожъя, Керчомъя, Усть-Кулом, Ыб и др.) Осокин активно использует гидронимы (Вакша, Кама, Вымь, Пижма, Большая Сыня и т.д.), географические объекты выступают узнаваемыми маркерами национальной культуры, помогая автору воссоздавать самобытную картину окружающего мира народов коми.

Известный своими непрерывными творческими поисками, Осокин, экспериментируя с формой и содержанием, написал два (как минимум) текста с иной, отличной от большинства произведений, коннотацией художественного пространства. В этих произведениях географические объекты обретают повествовательную значимость, материальность и онтологическую субнациональность. Это – принесшая писателю всероссийскую известность повесть «Овсянки» и не менее известный сказ «Ночной караул». И в том, и в другом произведении читателю предлагается погрузиться в историю места, посмотреть на него через ретроспективу воспоминаний героев. Так, мерянская Одиссея, – повесть «Овсянки», – предоставляет нам возможность совершить одновременное путешествие по настоящему и прошлому Нижегородской и Костромской земли посредством опыта персонажей. Каждое место, в котором останавливаются герои, разблокирует воспоминания Аиста Сергеева и/или Мирона Алексеевича (например, воспоминания о медовом месяце в месте, где проводится похоронный обряд над телом жены Мирона). Кроме того, воображаемая географическая карта многих городов и сёл становится доступна только через призму памяти героев, которые, например, проезжая Юрьеvec верхней окраиной «не видели, но прекрасно знали, что внизу за спусками – вереницы уютных домов, магазины с ивановскими и костромскими настойками» [с. 313]. Схожим образом пробуждаются воспоминания Олёша – главного героя сказа «Ночной караул». Волей секундного порыва оказавшись в родной деревне Маскародо, Олёш начинает вспоминать о жизни в родительском доме и быте марийской деревни. Как и во многих произведениях Дениса Осокина, детализированный, уходящий в прошлое пейзаж деревни пропускается через призму магического реализма и авторской ностальгии, порождая мистическое ночное приключение, переживая которое герою удастся вспомнить не только о давно забытых вещах, но даже родной язык (который ОН забывает с рассветом, когда магия утрачивает действие) [\[14,15\]](#).

Таким образом, основная функция пространства «заказанских» текстов Осокина заключается в создании национальной среды, в рамках которой репрезентируются личные истории его героев.

Выводы

Проанализировав географическое пространство, отраженное в текстах Д. Осокина, можно сделать вывод о том, что оно обладает аттрактивными свойствами – уникальностью, смысловой насыщенностью, познавательной ценностью. Отражение

географического пространства в художественных произведениях дает возможность репрезентировать и интерпретировать социокультурные процессы места, задавать онтологические ориентиры.

Средневожье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инонациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов.

Библиография

1. Топоров, В. Н. Человек и место («антрополокальное» единство Средиземноморья) / В. Н. Топоров // Топоров, В. Н. Энеи́ человек судьбы. – Москва: Радикс, 1993. – С. 37–88.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
3. Захарова В.Т. Нижегородский текст русской словесности: к постановке проблемы // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. – Н. Новгород: НГПУ, 2007. – С. 3-7.
4. Хлыбова Т. В. Эстетика духовного стиха. // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып. 6. М., 2004. С. 144-154.
5. Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – No 1. – С. 27–35.
6. Зайнуллина Г.И. Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) // Нева. – 2019. No3. – С. 208-219.
7. Шафаринская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. — М.: Арт Хаус медиа, 2010. — 304 с.
8. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – С. 297–303.
9. Марьин, Д. В. Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2012. – No 3. – С. 99–105.
10. Богумил, Т. А. Геопэтика В. М. Шукшина / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 176 с.
11. Осокин. Д. Огородные пугала с ноября по март. Москва: АСТ, 2019. – 528 с.
12. Одесский, М. П. Волга – колдовская река: от «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» / М. П. Одесский // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 605–625.
13. Нигматуллин А. С людьми, пропагандирующими всякие антиказанские теории, не стану ни дружить, ни работать // Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online». Retrieved from: https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fm.business-gazeta.ru%2Farticle%2F439745%3Futm_source%3Dbo-amp-page%26_gl%3D1*1v0n318*_ga*YW1wLXUwem44cDhDdGoyNFdkZExlMW80LXc
14. Александрова-Осокина, О. Н. Вопросы геопэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – No 5. – С. 216–241
15. Пьянзина В.А. Авторский миф как жанр современной литературы. Universum. 2017; No 9: С. 9-11.
16. Митин, И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности / И. Митин // Communitas / Сообщество. – 2005. – No 2. – С. 12–25.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Художественное пространство, пожалуй, основная категория, формирующая литературный текст, его не наличный, но смысловой объем. Следовательно, работы ориентированные на этот уровень значимы, востребованы, актуальны. Собственно это и отмечает в начале рецензируемой статьи автор: «исследование абстрактности и/или конкретности художественного пространства кажется нам наиболее перспективным в рамках исследования современных «локальных текстов». Отмечая смещение фокуса исследования художественных текстов с центра на периферию, породившее такие понятия в литературоведении как «петербургский текст» [Топоров], «уральский текст» [Абашев, 2000], «нижегородский текст» [Захарова, 2007], «поволжский текст» [Хлыбова, 1994], «сибирский текст» [Тюпа, 2002], «казанский текст» [Зайнуллина, 2019], «ташкентский текст» [Шафранская, 2010] и др.». Работа имеет конструктивно-законченный вид; точка зрения автора объективна, так как складывается на основе серьезных исследований. Например, «о тесной связи героя и пространства ещё до появления понятия «петербургского текста» (Топоров), как легализовавшего обращение к локальным текстам, писала О. Фрейденберг, которая считала, что герой является лишь функцией пространства и напрямую зависит от мифологизированности последнего. Вслед за Топоровым, который говорил о наличии «сложного взаимодействия духа с бездушной стихией» [1, с. 38], Лотман также показывал в своих исследованиях, что география выступает разновидностью этического знания: «нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным - нравственный» [8, с. 298]. Поэтому убедительным выглядит вывод о том, что авторская поэтика основывается на месте пребывания. Пространство влияет на идентичность и поведение человека...». Видна заинтересованность автора темой сочинения, удачно работает и принцип систематизации данных. Новизна статьи заключается в обращении к творчеству Дениса Осокина в качестве литературного материала. Отмечено в частности, что «среди российских писателей-современников таким «проводником», безусловно, можно назвать Дениса Осокина – казанского поэта и писателя, чье творчество тесно связано с Поволжьем – регионом в России, расположенном в бассейне Волги. Отметим, что сам автор избегает понятия «Поволжье», предпочитая ему словосочетание «Средняя Волга», что можно объяснить особым отношением писателя к водному пространству между впадением Оки в Волгу и устьем Камы» и т.д. Верификация пространственных координат в творчестве Д. Осокина дается в целом верно, объемность заметна: «пространство осокинского Средневолжья подчиняется литературным законам устройства художественного текста: оно имеет свой центр и периферию. Бытие осокинского героя, который наделен возможностью «гулять средневолжскими снами» [11, с.172], строится вокруг старинного города Казань – столицы республики Татарстан. Осокин всячески подчеркивает в своих произведениях, – «заверяет своим казанством» [11, с.172], что Казань для него не только и не столько предпочитаемое городское пространство, сколько его друг, возлюбленная, ведь именно с ней у писателя сложились самые крепкие и продолжительные отношения», или «отношение Дениса Осокина к родному городу лучше всего иллюстрирует фраза из поэмы «Ледянки», в которой он без ложной скромности заявляет что Казань – «лучшая на свете» [11, с. 62]. Эта же мысль прослеживается и в стихотворении «Верхний услон», где читателя завлекают чудесной жизнью в татарской столице: «если останешься в казани / навсегда будешь / жить чудесно / вскоре перемещение / за линию казань - / верхний услон / потеряет смысл / будет суетой (прим.: пунктуация здесь и далее сохранена авторская)» и т.д.

Методология исследования актуальна, серьезных противоречий не выявлено. Иллюстративный фон, на мой взгляд, достаточен. Суждения аналитического порядка имеют выверенный вид, правка излишня. Например, «границы города в произведениях Осокина редко совпадают с реальными границами Казани. Писатель предпочитает определять их, исходя из собственного мироощущения, – используя визуальный метод, включая в состав города только тот пригород, из которого «можно глядеть на казань» [11, с. 30], называя их «окрестностями Казани»; исключая места, откуда город увидеть не удастся». Ссылки / цитации формально верны, требования издания учитываются. Цель работы достигается планомерно, задачи решаются ступенчато. Удачно, на мой взгляд, статья дробится на смысловые блоки, уровневый характер позволяет следить за развитием авторской мысли последовательно. Номинатива, маркирующего «средневолжское» пространство в текстах Осокина достаточно: «среди произведений с похожим методом использования географических объектов можно также отметить такие поэтические и прозаические тексты, как «Кукмор», «Новые ботинки», «Барышни тополя», «Танго Пеларгония», «Утиное горло», «Отличница», «Три пьесы для Риты и клоуна» и др. В уральском цикле «Фигуры народа коми», посвященном родственным финно-угорским народам – коми-зырянам и коми-пермякам, в котором помимо топонимов (Пожья, Керчомья, Усть-Кулом, Ыб и др.) Осокин активно использует гидронимы (Вакша, Кама, Вымь, Пижма, Большая Сыня и т.д.), географические объекты выступают узнаваемыми маркерами национальной культуры, помогая автору воссоздавать самобытную картину окружающего мира народов коми». Выводы по тексту соотносятся с основной частью, думается, что тема может быть рассмотрена и далее в новых работах, новых статьях, так как «средневолжье Осокина – это метапространство, где национальное органично сочетается с инациональным, это пространство памяти и обретения утраченных смыслов». Практически материал можно использовать при изучении гуманитарных дисциплин, а также творчества Д. Осокина. Рекомендую статью «Художественная география "средневолжских текстов" Д. Осокина» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».